

что можно сделать, задав такие вопросы, — это предоставить ответ на них Богу: *reservare Deo*. Христианами становятся не для того, чтобы стать всезнающими, но для того, чтобы спастись. Эти ведущие темы христианской мысли будут снова и снова звучать в эпоху патристики и средних веков, особенно у Иоанна из Солсбери.

Есть только один Бог, а не Бог и некий демиург. Согласно св. Павлу существование этого Бога можно доказать, и его должны признать даже язычники, наблюдая Его творения. Гностики утверждают, что творцом является демиург, но при этом они признают, что своим существованием он обязан Богу. Сколько бы ни умножать число посредников, именно Бог — истинный создатель мира: «В самом деле, нужно или отстаивать мнение, что именно Бог сотворил мир, ибо благодаря его всемогуществу у Него нашлось то, из чего его сотворить; или, если из Него изошла некая творческая сила, нужно обязательно указать, где этот создатель мира нашел образ вещей, по которому он их сотворил, и вещество для воплощения этого образа». Если умножать число посредников, то можно дойти до бесконечности, и 365 «небес» Василида — это еще слишком мало, потому что настоящая проблема в том, чтобы объяснить существование «первого неба»: «Насколько же надежнее и умнее сразу признать, — а ведь это истина, — что Бог, сотворивший мир таким, каков он есть, — единственный Бог и нет иного, кроме Него; что Он сам извлек из Себя образ и форму того, что Он сотворил, — насколько это лучше, нежели изодраться в кощунственных умствованиях, чтобы в конце концов признать, что есть один-единственный Сущий, от которого исходит все, что было сотворено!» Свидетельство Иринейя ярко выражает

33 2. Гностицизм II века и его противники

столь живое у первых христианских мыслителей чувство, что разум был на стороне веры. В «знании» гностиков разум проявлялся в гораздо меньшей степени, чем в Откровении, которое тем не менее представлялось лишь предметом веры. Отчего же не признать потрясающего согласия между Священным Писанием и зрелищем мира? «Когда все священные книги, Пророки и Евангелия открыто, недвусмысленно, понятным для всех образом — хотя не все этому верят — провозглашают единственного Бога, безо всяких иных, который все сотворил Своим Словом, все вещи видимые и невидимые, которые на небесах, на земле, в воде и под землю, как мы и доказали это словами самого Священного Писания; когда творение, частицей которого мы являемся, само собою свидетельствует, что у него один Создатель и Властелин, — то какими же глупыми и тупоумными кажутся те, кто закрывает глаза на эту сияющую действительность, не желает видеть очевидную истину, но, насилая собственную совесть, думает, что при помощи туманных измышлений нашел каждый своего собственного Бога!»

Почва, на которой впоследствии взрастет философия средневековья, уже вполне освоена. Ириней поднял фундаментальные проблемы. Прежде всего, проблему творения. Всемогущий Бог сотворил все из ничего посредством Слова. Люди не могут произвести что-либо, не имея исходной материи, но Бог Сам создал материю для Своего творения, которая до тех пор не существовала. Бог сотворил мир Своей добротой. Вселенная явилась из блага и для блага, а не в результате какой-то исходной ошибки, как ложно полагали гностики, «*neque per apostasiam et defectionem et ignorantiam*»*. Оптимизм христианства утверждается здесь с тем большим основанием, что картина мира свидетельствует о благодати его Создателя. Бог продолжает управлять Своим творением посредством провидения. Обозрение вещей свидетельствует о том, что каждое существо получило свою природу, свое положение в мире, численность и размеры, что ничто не появилось и не происходит по воле случая, но все организовано высшим божественным